

Топонимия может быть живой / Toponymy Can Be Alive

Считая бесперспективной дискуссией об исторической реставрации топонимов Иркутска, автор в качестве приоритетного подхода к проблемам городской топонимии предлагает отношение к топонимам как к ресурсу оживления городского пространства.

Ключевые слова: топонимия, городское пространство, Иркутск, историческая память, прагматика. /

The author thinks that any discussion on the historical restoration of toponyms in Irkutsk is unpromising and offers to treat toponyms as a resource for vitalizing the city space. This could be a priority approach to the problems of city toponymy.

Keywords: toponymy; city space; Irkutsk; historical memory; pragmatics

текст

Михаил Рожанский /

text

Mikhail Rozhansky

Когда мы спорим «переименовать, вернуть, не тронуть», важно выбрать общий приоритетный принцип. Иначе споры бесконечны и бесплодны. В ходу два принципа: идеологический и прагматический. Идеино-исторический – это «как можно спокойно ходить по улице имени террориста» или «вы хотите вычеркнуть советскую историю». Прагматический – это «люди привыкли, нечего их путать, а у вас, видимо, других проблем нет». Есть еще позиция тотальной топонимической реставрации: «верните все как было». В общем, приоритет исторический, но тоже предполагающий идеологическое решение: точкой для реставрации выбран ноябрь 1920 года, то есть возвращаются тотально дореволюционные имена. Эти два принципа согласовать, как показывает практика, невозможно: их сторонники апеллируют к аргументам, находящимся в разных мирах – в мире истории, в первом случае, и в мире повседневности, во втором. Вот эту практику споров по модели «чья возьмет» и надо менять.

Есть другой принцип, который, по моему убеждению, и должен быть приоритетным: в нем признание необходимости как истории, так и безусловных прав повседневной жизни. Это принцип отношения к городскому пространству как к месту человеческой жизни. Что этот категорический императив означает на практике, когда мы говорим о топонимии? Во-первых, он означает, что город – не наградная доска, на которой названия улиц администратор или история присваивают по заслугам. Во-вторых, что город – не архив, и топонимическая карта центра города не может быть памятником одной эпохи, а точнее, памятником революционному самосознанию нескольких людей, корпевших в ноябре 1920 года над

списком из 70 с лишним имен, чтобы каждое из них заменить новым. В-третьих, что топонимия может стать живой и участвовать в насыщении городской жизни, даже быть экономическим ресурсом. Как сделать топонимию живой? Боюсь, что ей уже надо делать искусственное дыхание, постепенно возвращая к жизни. Сначала вернуть те названия, которые отличали центр города от других городов России, восстановить индивидуальность центральных артерий (Большая, Амурская, Тихвинская) и там, где происходит реставрация или имитация исторической среды (в Иркутской слободе, иркутских кварталах). Затем впустить в топонимию мирную городскую жизнь через возвращение тех названий, которые рассказывают о том, как возникал и развивался Иркутск, его отдельные пространства, особые миры, возвращать там, где возможно, через замену нынешних, а в каких-то случаях через поясняющие таблички. Это тоже пошаговый процесс, в котором категоричность бесполезна: поворот «вдруг» ни к чему, кроме вспышки идеологической гражданской войны, не приведет. Есть имена, которые оскорбляют нравственные чувства, – с этими именами «надо работать», и в том числе с помощью поясняющих биографических табличек, конечно, не на улицах, а в музеях, на виртуальных картах города, создавать веб-доки. Только так можно актуализировать звучание этих имен, чтобы они царапали слух тех, кто на этих улицах живет. Впрочем, это же касается имен, которые не имели и не имеют никакого отношения к городу. Следы большой истории и большого мира тоже часть своеобразия города, особенно когда-то бывшего столичным, но важно, чтобы эти следы не были грязными.

Топонимическая реставрация в Иркутске / Toponymic Restoration in Irkutsk

Анализируются дискуссия о возвращении публичным пространствам в Иркутске исторических наименований, подходы к проблеме, сложившиеся в исторической науке и публицистике. Утверждается необходимость и своевременность строго исторического подхода к топонимической реставрации.

Ключевые слова: топонимика, исторический топоним, топонимическая реставрация, культурно-историческое пространство, историческое преемство. /

The article analyzes the discussion on restoration of historical names of public spaces in Irkutsk. It also reviews different approaches to the problem that appeared in the historical science and publicism. The author says about the necessity of a strictly historical approach to the toponymic restoration.

Keywords: toponymy; historical toponym; toponymic restoration; cultural and historical space; historical continuity.

текст

Александр Снарский /

text

Alexander Snarsky

Дискуссия о необходимости проведения в Иркутске комплексной реставрации топонимических памятников, то есть о возвращении городским объектам их исторических наименований, ведется весьма своеобразно. Этот сравнительно простой научно-исторический вопрос неожиданно оказался сугубо важным для неких идеологических

лагерей, политических стратегий и, наконец, просто для любителей досужих разговоров. При этом, как несложно догадаться, собственно научная аргументация почти не звучит, ибо в таком формате обсуждения всякая научность только мешает и тяготит. В самих же научных кругах, насколько нам известно, вопрос «возвращать или не

возвращать» давно решен положительно, хотя, конечно, имеются разные мнения по ряду технических вопросов (например: какое название объекта восстанавливать в случае его многократного естественного переименования и т. п.). Автор крайне положительно относится к стремлению горожан принять участие в обсуждении вопросов из любой области знаний, однако призывает вести таковые обсуждения в логике тех наук, к которым эти вопросы относятся, избегая притом излишней эмоциональности и не привлекая ностальгических, идейно-партийных, электорально-предвыборных и тому подобных «аргументов». В частности, вопрос о возвращении городским объектам их исторических наименований относится к компетенции топонимики.

Топонимика – это вспомогательная научная дисциплина, находящаяся на стыке географии, лингвистики и истории и изучающая топонимы. Топонимы – это собственные названия географических объектов, начиная от материков, морей, океанов и заканчивая названиями остановок общественного транспорта. В этой статье речь пойдет в основном об урбонимах Иркутска, то есть о названиях внутригородских объектов, которые, в свою очередь, подразделяются на агоронимы – названия городских площадей и рынков, годонимы – названия улиц, хоронимы – названия отдельных зданий и др.

Каким же образом топонимика взаимодействует с исторической наукой? Очень просто: история использует топонимы в виде источника знаний, так же как она использует письменные, устные, архитектурные, археологические, этнографические и иные памятники. В этом качестве и сами топонимы становятся историческими памятниками. Они в некотором смысле нематериальны, и потому сознание не всегда способно безоговорочно поставить их в один ряд со зданиями, монументами, предметами декоративно-прикладного искусства. Однако даже самые поверхностные наши рассуждения на тему возможной нематериальности памятников немедленно породят воспоминания о таких феноменах, как сказки, эпосы, традиционные праздники, народные танцы и пр. Таковы же и топонимы.

Топонимические памятники, как и памятники вообще, имеют большое историческое и культурное значение. Они организуют культурно-историческое пространство местности, в которой бытуют, подчеркивают ее уникальность и своеобразие, обеспечивают историческое преемство, свидетельствуют о древности и историчности окружающей их среды, фиксируют события, запечатлевают утраченные городские объекты, особенности рельефа, имена и занятия жителей. Наконец, топонимические памятники, с которыми ежедневно соприкасается огромное число людей, являются естественным и эффективным средством распространения исторических знаний в самых широких слоях населения.

Всякий ли топоним является памятником? Нет, не всякий, так же как не всякое здание или монумент – памятник. Безусловно, некоторую полезную информацию можно извлечь почти из любого топонима, однако по степени научной ценности, культурной и общественной значимости, самобытности и уникальности топонимы определенно не равны. Ценность представляют топонимы, сложившиеся естественным путем и закрепившие в себе память об исторических реалиях времени своего возникновения, например о стоявших поблизости церквях (улицы Тихвинская, Благовещенская, Иерусалимская, пер. Чудотворский), домах горожан (улицы Дегтевская, Баснинская, Трапезниковская), государственных и городских учреждениях (улицы Арсенальская, Адмиралтейская, Кремлевская площадь), увеселительных учреждениях (улицы Матрешинская, Дворянская), торговой и профессиональной специализации городских объектов и

граждан (Сенная и Хлебная площади, Барахолка, улицы Кузнечная, Ямская), городских легендах (местность Царь-Девица) и т. п. Такие, подлинные, топонимы можно назвать памятниками.

И наоборот, как, скажем, типовые хрущевки не являются архитектурными памятниками, хотя в известном смысле и несут дух своего времени, так и типовые топонимы, как правило навязанные чьей-то волей, а не сложившиеся естественным путем, едва ли могут быть признаны памятниками или во всяком случае наделены особой ценностью. К примеру, собственник земельного участка или застройщик, планируя новый поселок или садоводство, нередко нарекают улицы совершенно произвольно (как, впрочем, они нарекают и сами поселки, и жилые комплексы). Так появляются стандартные Березовые, Яблочные, Васильковые, Вишневые и подобные улицы (примеры абстрактны), даже несмотря на то, что ни васильков, ни яблонь, ни тем более вишен поблизости никогда не было и нет. В этой ситуации у вновь нареченных улиц, садоводств и микрорайонов почти нет шансов стать топонимическими памятниками даже и в будущем, так как единственным «ценным» знанием, которое они донесут до потомков, будет информация о богатстве фантазии собственника и застройщика или их исполнителей. То же самое касается и иных волонтеристских наименований. Например, объекты, названные из политических или агитационных соображений, также лишаются топонимической естественности. В то же время нельзя не признать объективность процесса естественной смены топонимов, когда один исторический топоним естественным образом сменяет другой. На иркутском материале, в качестве примера этого процесса, можно привести естественное замещение названия реки Иды Ушаковкой или даже названия Яндашский острог топонимом Иркутский острог, давшим городу его современное название.

Особенно удручает замена подлинных исторических топонимов на искусственно измышленные. Полагаем, что это недопустимо вне зависимости от причин, побуждающих энтузиастов подобных начинаний к таким свершениям. Ни кажущаяся неблагозвучность топонима (ул. Кладбищенская была переименована в Парковую не по политическим причинам), ни слабая осведомленность историков об истоках исторического наименования объекта, ни незначительность масштаба личности или явления, в честь которых назван тот или иной объект, ни политическая конъюнктура, ни что-либо еще не может быть оправданием для замены подлинного топонимического памятника фальсификатом. При посещении музея, картинной галереи, приобретении произведения искусства или предмета антиквариата нам крайне важна подлинность памятника. Так кольми паче следует требовать подлинности от окружающей нас топонимической среды, не допускать уничтожения или утраты первоначального вида памятников!

К сожалению, даже в письменный период уничтожение топонимического материала вполне возможно. Если исторические топонимы не были зафиксированы в письменных и иных источниках – как это нередко происходило в деревнях, селах, предместьях и слободах, – то, будучи замененными топонимами привнесенными и, мало-помалу изгладившись из народной памяти, они неизбежно исчезнут. Более благоприятный вариант – утрата первоначального вида исторического топонима. Она отличается от полной утраты памятника тем, что, несмотря на искусственное изменение названия объекта, исторический топоним оказался зафиксированным в административных документах, периодике, литературе или каким-то иным образом, к примеру филокартическими средствами. Но в этом случае первоначальные топонимы, становясь достоянием исторической науки, все же

утрачивают общественные функции памятника, так как становятся доступными лишь для узкого круга специалистов. Подобно музейным объектам, навеки заключенным в фондохранилище и никогда не демонстрируемым публике, такие памятники перестают организовывать культурно-историческую среду, распространять научные знания в обществе, обеспечивать историческое, культурное и, быть может, ментальное преемство между поколениями горожан, утрачивают иные традиционные функции, присущие памятникам, бытующим в публичном пространстве. Строго говоря, часть этих функций осуществляется посредством публикации работ ученых-историков, однако эффективность этих научных публикаций, в рассматриваемом аспекте, несоизмеримо уступает простому бытованию и общеизвестности топонимических памятников.

В случае с большинством исторических названий иркутских городских объектов мы имеем ситуацию утраты первоначального вида памятника. То есть исторический облик топонимического объекта находится под слоем волюнтаристских наслоений позднейших периодов. С чем для наглядности можно сравнить такое положение памятника? К примеру, с живописным полотном, имеющим значительную культурно-историческую ценность, поверх которого более полувека назад написали актуальный тогда политический лозунг. Полотно является единицей хранения музея, специалистам известно его живописное содержание, на этот счет имеются научные публикации, однако функции памятника этот предмет не выполняет. Нетрудно догадаться, что для устранения изменений исторического облика топонимического памятника, как и в случае с предметом материальной культуры, следует осуществить научно-реставрационные мероприятия. В нашем случае они будут выражаться в разыскании и официальном возвращении иркутским городским объектам их исторических названий.

Часто звучит предложение указать исторические названия на уличных табличках в виде дополнения к тем, которые сейчас являются официальными. Однако это не только не решение проблемы бытования искусственных топонимов в Иркутске, но и, быть может, ее усугубление. Во-первых, таким образом исторические топонимы бытовать не начнут, так как дополнительное указание исторического названия, не являясь обязательным, не заставит пользоваться ими ни при отправке корреспонденции, ни в государственных органах, ни в СМИ – словом, нигде, где бы их употребление способствовало выработке привычки их использования и постепенному проникновению в жизнь города. Во-вторых, подобная мера в глазах, например, властей (которых, как кажется, самая природа принуждает быть инертными), может создать иллюзию решения проблемы и, таким образом, отсрочить подлинное решение на неизвестное время. Система дублирующих названий сама по себе, равно как и сеть памятных досок или стендов, повествующих об истории улиц, вполне приемлема, но не в качестве топонимико-реставрационной меры, а в виде средства популяризации идеи возвращения исторических названий.

Особенное место занимает вопрос о том, почему важно реставрировать весь комплекс топонимических памятников, а не отдельные топонимы, как это иногда предлагается. Скажем откровенно, идея фрагментарной реставрации вызывает изрядное удивление. Сторонники таковой, как нам кажется, до сих пор не смогли убедительно обосновать возможность избирательности в этом вопросе с позиций топонимики. Представляется, что при наличии исторического топонима ставить вопрос о сохранении его позднейшего эрзаца или замене последнего эрзацем современным – неправомерно, так как при этом, на наш взгляд, теряется научная логика всего процесса топони-

мической реставрации и возникает вопрос о правомерности принятия кем-либо таких решений. Если отбросить традиционную реставрационную цель – восстановление подлинного вида памятника, то непонятно, на каких научных основаниях предлагается проводить реставрационные работы. Если же эту цель преследовать, то неясно, почему один топоним достоин реставрации, а другой – нет. И наконец, исторический облик поселения формируется посредством памятников. В какой-то мере он может быть сформирован и единичными памятниками, и парой десятков таковых. Однако, бесспорно, что в случае реставрации всего комплекса оригинальных топонимов (а на сегодняшний день в Иркутске их разыскано около двухсот) историческая среда будет восстановлена с наибольшей полнотой. Ради какой высокой цели следует отказаться от этой полноты – совершенно непонятно.

Возможно, что «минимализм» сторонников избирательной топонимической реставрации связан с тем, что они находятся в плену имеющих всероссийскую известность мифов о небывалой дороговизне реставрационных мероприятий в этой области, а также об изрядной путанице с документами физических и юридических лиц, якобы влекомой этими мероприятиями. Однако мифы эти убедительно опровергнуты и реставрационно-топонимической практикой других городов, и государственными органами, в том числе местными (в частности, ФРС и ФНС по Иркутской области), и, наконец, опытом жителей проспекта Маршала Жукова (бывшего проспекта Карл-Маркс-Штадт), подвергшегося сравнительно недавно (в 1999 году) малопонятному переименованию. Но, несмотря на все официальные опровержения, эти мифы все еще властвуют над умами властей и большинства горожан.

В этой ситуации трудно говорить о предлагаемом иногда городском референдуме как средстве решения топонимической проблемы в Иркутске. Большинство всегда противится переменам. Сторонники перемен бранят его за этот консерватизм и объясняют его неразвитостью, непросвещенностью, иррациональными страхами. Однако консерватизм большинства – объективная реальность, ничто не в силах его изменить... и это воодушевляет! Привычка – душа держав. Но это касается глубинных пластов сознания народов: их национальных, нравственных, религиозных, культурных оснований – решений, требующих субъективного выбора большинства. Однако парадигма общественного сознания имеет свойство выстраиваться и вокруг проблем, не достигающих таких глубин, как вопросы общественных и государственных основ. Эти вопросы гораздо менее глобальны, но зато зачастую требуют не субъективного выбора, а объективного решения. Наверняка вопрос необходимости налогов или объявления военной и тыловой мобилизации будет решен большинством необъективно, что приведет к трагическим последствиям для самого большинства. Именно по этой причине мудрое большинство в ходе своего исторического развития отнесло решение объективных вопросов к компетенции специалистов в тех или иных областях знаний. Не является исключением и топонимика.

В заключение повторим мысль, прозвучавшую в начале этой статьи: естественно, что судьба иркутских исторических топонимов волнует не только историков; без сомнения, любой желающий, даже не будучи историком, имеет право принять участие в обсуждении вопроса о реставрации топонимических памятников Иркутска. Однако любое обсуждение должно иметь правила и логику. Топонимическая проблема не может не иметь топонимической логики, и потому все участники принуждены следовать ей, то есть, если угодно, стать немного историками – специалистами в той теме, которую они обсуждают. Иначе никакой дискуссии, увы, не получится.